

ВИКТОР
ГЮГО

Ган Исландец

Издательство АСТ
Москва

ВИКТОР
ГЮГО

ВИКТОР
ГЮГО

Ган Исландец

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г99

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с французского *А. Соколовой*

Серийное оформление и дизайн обложки *Р. Алеева*

Гюго, Виктор.

Г99 Ган Исландец : [роман] / Виктор Гюго ; [перевод с французского А. Соколовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-185694-6

Благородный Орденер Гульденлю, сын вице-короля Норвегии, влюбляется в очаровательную Этель — дочь опального министра. Чтобы спасти любимую от неминуемой казни, Орденер решает найти секретные документы, оправдывающие честное имя ее отца. Отважному юноше предстоит проделать долгий путь, преодолеть мрачные крепости и суровые тюрьмы, повстречаться с коварными заговорщиками и благородными бунтовщиками и, наконец, столкнуться с владельцем бумаг — настоящим чудовищем в человеческом облике, известным под именем Ган Исландец.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-185694-6

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ЧАСТЬ I

Глава I

— Вот до чего доводит любовь, сосед Ниэль! Бедняжка Гут Стерсен не лежала бы теперь на этой большой черной плите, как морская звезда, забытая отливом на отмели, если бы заботилась только о починке челнока и ветхих сетей своего отца. Да утешит святой Усуф* нашего старого товарища в постигшем его несчастье!

— Да и жених ее, — подхватил чей-то пронзительный дрожащий голос, — этот красавец Жиль Стадт, не лежал бы тут рядом с ней, если бы вместо того, чтобы волочиться за богатством в проклятых рудниках Рерааса, качал люльку маленького брата под закоптелой кровлей своей хижины.

— Э! Матушка Олли, твоя память стареет вместе с тобой, — возразил сосед Ниэль, к которому обращена была первая речь. — У Жили никогда не было брата и тем труднее бедной вдове Стадт переносить свое горе. Хижина ее теперь совсем осиротела, и взоры матери, в поисках утешения в небе, будут встречать лишь ветхую кровлю, под которой висит опустевшая люлька сына, в цвете лет простившегося с жизнью.

— Несчастливая мать! — вздохнула старая Олли. — А парень сам виноват: зачем понесло его в Рераасские рудокопи?

* Покровитель рыбаков. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Право, — сказал Ниэль, — эти адские рудники берут с нас по человеку за каждый аскалон меди. Не так ли, кум Брааль?

— Рудокопы — это безумный народ, — ответил рыбак. — Чтобы жить, рыба не должна покидать воды, а человеку не след спускаться в недра земли.

— Но что, если работа в рудниках нужна была Жилю Стадту, чтобы сыграть свадьбу с своей невестой? — заметил из толпы молодой парень.

— Э, — прервала его Олли, — разве можно подвергать жизнь свою опасности ради страсти, которая не стоит такой жертвы. Нечего сказать: славное брачное ложе доставил Жиль своей возлюбленной!

— Значит, девушка утопилась с отчаяния, узнав о смерти своего жениха? — осведомился другой любопытный.

— Что за вздор! — грубо закричал какой-то солдат, расталкивая толпу. — Я хорошо знаю эту девочку, она действительно была помолвлена с молодым рудокопом, придавленным при обвале скалы в шахтах Сторваадсгрубе, близ Рерааса. Но она также была любовницей одного из моих товарищей, и когда третьего дня она тайком отправилась в Мункгольм отпраздновать со своим другом смерть жениха, лодка ее наткнулась на подводный камень, и Гут утонула.

Смешанный шум голосов поднялся в толпе. «Врешь, служба!» — кричали старухи; молодежь молчала, а сосед Ниэль ехидно напомнил рыбаку Браалю свое глубокомысленное изречение: «Вот до чего доводит любовь!» Солдат, не на шутку раздраженный сварливым бабьем, уже послал ему название «старые ведьмы кираготской пещеры»: оскорбительное, с которым трудно было безропотно примириться, — как вдруг повелительный грубый голос, закричавший: «Тише, тише, болтуны!» — положил конец препирательствам.

Все смолкло подобно тому, как при крике петуха водворяется тишина в среде раскудахтавшихся кур.

Прежде чем продолжить наш рассказ, не лишне будет описать место, где происходила вышеописанная сцена. Читатель, без сомнения, уже догадался, что мы в одном из тех зданий, которые человеколюбие и общественное призрение посвящает для последнего приюта безвестных трупов, по большей части самоубийц, жизнь которых не богата была красными днями.

Здесь безучастно толпятся любопытные: холодные зеваки или сердобольные, но часто безутешные друзья и родные, которым долгая невыносимая неизвестность оставила эту последнюю горькую надежду.

В эпоху давно минувшую, в стране мало цивилизованной, куда мы переносим читателя, еще и не помышляли превращать эти убежища в вычурно-мрачные памятники, как то делают теперь наши столицы, блещущие золотом и грязью. Солнечные лучи не проникали туда и, скользя по артистически украшенному своду, не освещали ряда возвышений, изголовья которых готовят как бы для сна. Если отворялась дверь сторожки, взор, утомленный зрелищем голых изуродованных трупов, не мог отдохнуть, как в наше время, на изящной мебели и резвящихся детях.

Смерть являлась здесь во всей своей отвратительной наготе, во всем ужасе: тогда не пытались еще украшать полуистлевшие скелеты лентами и саванами.

Помещение, в котором происходила вышеописанная сцена, было обширно, а парившая в нем темнота придавала ему еще более фантастические размеры. Дневной свет проникал туда лишь через низенькую четырехугольную дверь, которая вела к Дронтгеймской пристани, да в отверстие, вырубленное топором в потолке, откуда, смотря по времени года, падали дождь, град или снег на трупы, расположенные как раз против отверстия.

Железная балюстрада высотой по грудь взрослого делила это помещение во всю ширину. В переднее отделение через вышеупомянутую четырехугольную дверь входили посетители, в заднем виднелось шесть длинных, черного гранита плит, размещенных в ряд и параллельно друг другу. Боковая маленькая дверь служила входом в каждое отделение для сторожа и его помощника, которые занимали остальную часть здания, примыкавшую к морю.

Рудокоп и его невеста лежали рядом, на двух смежных гранитных плитах. Тело девушки уже начало разлагаться, судя по широким синим и багровым полосам, которые тянулись вдоль ее членов соответственно ходу кровеносных сосудов. Черты лица Жиля были мрачны и суровы, но труп был так страшно изуродован, что невозможно точно сказать, тот ли это красавец, о котором говорила старая Олли.

Перед этими-то обезображенными останками, среди молчаливой толпы начался вышеприведенный разговор.

Рослый сухощавый пожилой человек, скрестив руки и опустив голову на грудь, сидел на поломанной скамье в самом темном углу морга. Казалось, он не обращал ни малейшего внимания на происходившее вокруг, но вдруг, поднявшись с места, крикнул:

— Тише, тише, болтуны!

Воцарилась тишина. Солдат обернулся и громко расхохотался при виде нового собеседника, изможденное лицо которого, редкие, растрепанные волосы, длинные пальцы и полный костюм из оленьей кожи достаточно оправдывали столь неожиданную веселость. Между тем в толпе женщин поднялся сдержанный говор:

— Это сторож Сплэдгеста... адский тюремщик мертвецов... дьявольский Спиагудри... проклятый колдун...

— Тише, болтуны, тише! Если сегодня день вашего шабаша, спешите к вашим метлам, или на чем вы там ле-

таете. Оставьте в покое этого благородного потомка бога Тора.

С этими словами Спиагудри, попытавшись скроить грациозную улыбку, обратился к солдату:

— Ты сказал, товарищ, что эта жалкая женщина...

— Старый негодяй, — пробормотала Олли. — Мы действительно для него жалкие женщины, так как наши тела, попадись они в его когти, не принесут ему по таксе более тридцати аскалонов, меж тем как за любой негодный остов мужчины он имеет верных сорок.

— Тише, ведьмы! — повторил Спиагудри. — Право, эти чертовы дочери что их котлы: как согреваются, начинают шуметь. Скажи-ка мне, мой храбрый воин: твой товарищ, любовницей которого была Гут, без сомнения, наложил на себя руки, потеряв ее?..

Эти слова произвели взрыв долго сдерживаемого негодования.

— Слышите, что толкует басурман, старый язычник? — закричали разом двадцать пронзительных нестройных голосов. — Ему хочется заполучить еще одного покойника ради лишних сорока аскалонов!

— А если бы и так, — не стал спорить сторож Спладгеста. — Наш милостивый король и повелитель Христиерн Пятый, — да благословит его святой Госпиций! — разве не объявил себя покровителем всех рудокопов, так как они обогащают его королевскую казну своим скудным заработком?

— Не слишком ли много чести для короля, сосед Спиагудри, — заметил рыбак Брааль, — когда ты сравниваешь королевскую казну с сундуком твоей мертвецкой, а его особу со своей?

— Сосед! — повторил Спиагудри, уязвленный такой фамильярностью. — Твой сосед! Скажи-ка лучше «твой хозяин», так как легко может статься, что со временем я и тебе, мой милейший, одолжу на недельку одну из

моих каменных постелей. Впрочем, — добавил он смеясь, — я ведь заговорил о смерти этого солдата в надежде видеть продолжение обычая самоубийств под влиянием сильных, трагических страстей, внушаемых подобными женщинами.

— Хорошо, хорошо, великий хранитель трупов, — сказал солдат, — но что ты хотел сказать своей милой гримасой, так удивительно похожей на последнюю усмешку висельника?

— Чудесно, мой храбрый воин! — вскричал Спиагудри. — Я всегда думал, что под каской латника Турна, победившего дьявола саблей и языком, кроется более ума, чем под митрой епископа Ислейфского, сочинившего историю Исландии, или под четырехугольной шапкой профессора Шонинга, описавшего наш собор.

— В таком случае послушай меня, старый кожаный мешок: брось эту мертвецкую и продай себя в кабинет редкостей вице-короля в Бергене. Клянусь тебе святым Бельфегором: там на вес золота скупают экземпляры редких животных. Однако что же ты хотел мне сказать?

— Если труп, доставленный сюда, извлекли из воды, мы обязаны платить половину таксы рыбакам. Вот потому-то я и хотел просить тебя, славный потомок латника Турна, уговорить твоего злополучного товарища не топиться, а избрать какой-либо иной способ покончить свое существование. Ему не все ли равно, а умирая, он наверняка не захочет обидеть бедного христианина, который окажет гостеприимство его трупу, если только утрата Гут натолкнет его на такой отчаянный поступок.

— Ну, здесь ничего не выгорит, мой сердобольный и гостеприимный тюремщик. Плоха надежда на моего товарища, что он сделает тебе удовольствие, воспользовавшись твоей соблазнительной гостиницей о шести постелях. Неужто ты думаешь, что другая какая-нибудь

валькирия не утешила его в потере этой? Клянусь моей бородой, ваша Гут уже давно порядком надоела ему.

При этих словах буря, минуту назад висевшая над головой Спиагудри, обрушилась всей своей тяжестью на злосчастливого солдата.

— Что, несчастный негодяй! — кричали старухи. — Так-то вы нами дорожите? Вот любите после этого таких бездельников!

Молодухи все еще молчали, некоторые из них даже находили, что этот бездельник недурен собой.

— Ого! — сказал солдат. — Шабаш-то снова расходится. Мучения Вельзевула поистине ужасны, если ему каждую неделю приходится выслушивать подобные хоры!

Неизвестно, чем кончилось бы это новое препирательство, если бы в эту минуту всеобщее внимание не было привлечено шумом, что несся с улицы.

Шум постепенно усиливался, и вскоре толпа полунагих мальчишек, крича и вертясь вокруг закрытых носилок, которые несли два человека, в беспорядке ворвалась в Сплэдгест.

— Это откуда? — спросил сторож морга носильщиков.

— С Урхтальских берегов.

— Оглипиглап! — закричал Спиагудри.

На этот зов в одной из боковых дверей появился малорослый лапландец в кожаной одежде и сделал знак носильщикам следовать за ним. Спиагудри тоже пошел с ними, и дверь захлопнулась, прежде чем толпа любопытных успела угадать по габаритам трупа, покоившегося на носилках, мужчина то был или женщина.

Всевозможные предположения и догадки прерваны были появлением Спиагудри и его помощника, которые внесли труп мужчины во второе отделение морга и положили на одну из гранитных плит.

— Давненько уже не попадалась мне такая прекрасная одежда, — промолвил Оглипиглап, качая головой.

Приподнявшись на цыпочках, он прикрыл мертвеца красивым капитанским мундиром. Голова трупа была обезображена, все тело в крови, и сторож несколько раз окатил его водой из старого поломанного ведра.

— Клянусь Вельзевулом! — закричал солдат. — Это офицер нашего полка!.. Кто бы это мог быть?.. Уж не капитан ли Боллар... с горя, что потерял своего дядю? Но нет, он его прямой наследник. Не барон ли Рандмер? Вчера он поставил на ставку свое имение, но завтра же вернет его с замком противника в придачу. Быть может, это капитан Лори, у которого утонула собака, или казначей Стунк, которому изменила жена? Однако во всех этих поводах я не нахожу ни малейшей уважительной причины к самоубийству.

Толпа зрителей увеличивалась с каждой минутой. В это время молодой человек, проезжавший по пристани, заметил это стечение народа, соскочил с лошади и, бросив поводья следовавшему за ним слуге, вошел в Сплэдгест.

Новопривывший был одет в простой дорожный костюм, вооружен саблей и закутан в широкий зеленый плащ. Черное перо, прикрепленное к его шляпе бриллиантовым аграфом, ниспадало на его благородное лицо и колыхалось над его высоким лбом, обрамленным длинными каштановыми волосами; его забрызганные грязью сапоги со шпорами свидетельствовали о том, что он прибыл издалека.

Когда он вошел в Сплэдгест, какой-то малорослый приземистый человек, закутанный тоже в плащ и пряча свои руки в огромных перчатках, спрашивал солдата:

— А кто тебе сказал, что он самоубийца? Что он не сам покончил с собой, это так же верно, как то, что крыша вашего собора не загорелась сама собой.

Подобно тому, как обоюдоострый меч наносит двойную рану, эти слова породили два ответа.

— Наш собор! — повторил Ниэль. — Его кроют теперь медью. Говорят, что это злодей Ган поджиг его, чтобы доставить работу рудокопам, среди которых был и его любимец Жиль Стадт.

— Что за черт! — вскричал в свою очередь солдат. — Кто смеет спорить со мной, вторым стрелком Мункгольмского гарнизона, что этот человек не пустил себе пулю в лоб?

— Этот человек был убит, — холодно возразил малолетний субъект.

— Скажите на милость, какой оракул! Отваливай, твои маленькие серые глазки видят так же зорко, как и руки, которые ты прячешь среди лета в этих длинных перчатках.

Глаза незнакомца сверкали.

— Ну, служба, моли своего патрона, чтобы эти руки не оставили в один прекрасный день своего отпечатка на твоей роже.

— А, посмотрим! — вскричал солдат, вспыхнув от гнева, но вдруг сдержал себя и добавил: — Нет, не след говорить о поединке при мертвых.

Малолетний человек пробормотал что-то на незнакомом языке и замешался в толпе.

— Его нашли на Урхтальских берегах, — произнес чей-то голос.

— На Урхтальских берегах? — повторил солдат. — Капитан Диспольсен должен был высадиться там сегодня утром, возвращаясь из Копенгагена.

— Капитана Диспольсена еще нет в Мункгольме.

— Говорят, что Ган Исландец скитается на этих берегах.

— В таком случае весьма возможно, что это капитан, — заметил солдат, — если Ган отправил его на тот свет. Кому неизвестна проклятая манера Исландца убивать свои жертвы так, чтобы они имели вид самоубийц.

— Каков из себя этот Ган? — спросил кто-то из толпы.
— Великан, — ответил один.
— Карлик, — поправил другой.
— Разве его никто не видел?
— Тот, кто видел его в первый раз, видел и в последний.
— Ш-ш! — сказала старая Олли. — Говорят, только троим удалось перекинуться с ним человеческим словом: это окаянному Спиагудри, вдове Стадт и бедняге Жилю, который лежит теперь здесь. Ш-ш!

— Ш-ш! — слышалось со всех сторон.

— Ну, — вдруг вскричал солдат, — теперь я убежден, что это капитан Диспольсен. Я узнаю стальную цепь, которую подарил ему при отъезде наш узник, старый Шу-махер.

Молодой человек с черным пером поспешно вмешался:

— Ты действительно уверен, что это капитан Диспольсен?

— Клянусь Вельзевулом, это он! — ответил солдат.

Молодой человек быстро вышел из Спладгеста.

— Ступай найми лодку в Мункгольм, — приказал он слуге.

— Но, сударь, а как же генерал?

— Ты отведешь к нему лошадей, и завтра же я сам буду у него. Кажется, я волен поступить, как мне заблагорассудится... Ступай, скоро уж вечер, а мне дорога каждая минута. Лодку!

Повиновавшись, слуга несколько минут следил глазами за своим юным господином, который удалялся от берега.

Глава II

Читатель знает уже, что действие нашего рассказа происходит в Дронтгейме, одном из четырех наиболее значительных городов Норвегии, хотя и не служившим резиденцией вице-короля.